

ЯВЛЕНИЕ ПОГАНЬЯ В НОВЫХ ПСКОВСКИХ ГРАМОТАХ УТУ-ХУ ВВ.

Г. Кором

В многочисленной группе памятников древнерусской письменности важное место занимают и письменные источники древней Псковщины. В дошедших до нас памятниках древнепсковской письменности, из которых наиболее древние датированы XIII-ым веком, отражаются важнейшие языковые особенности древнепсковских диалектов, указывающие на значительные отличия древнепсковских говоров от других территориальных диалектов древнерусского языка.

В числе древнепсковских документов большое значение имеют псковские земельные акты XIII-XIV вв. Однако до середины 60-х годов учеными было обнаружено лишь небольшое количество земельных актов: всего 15 - из них девять публиковались в сборнике новгородских и псковских грамот. /ГВФП/. Пять земельных актов были опубликованы в отдельных изданиях, кроме того Н.С. Валком в 1961 году была издана еще одна псковская данная XV века.

В истории изучения псковских земельных актов большую роль играли годы предыдущего десятилетия, на протяжении которых Л.М. Марасиновой было обнаружено еще 30 псковских земельных актов, причем один из них в подлиннике. Они были найдены в Псковском историко-художественном музее. вновь обнаруженные грамоты были опубликованы Л.М. Марасиновой в отдельной книге, вышедшей в 1966 году, в Москве.

Поскольку истории Псковских земельных актов посвящена целая книга, мне не будет останавливаться на подробной характеристике этих грамот. В связи с судьбой новых псковских земельных актов мне хочется существенно отметить то, что все они, за исключением одной, являются копиями, снятыми разными писцами в XVII-XVIII веках с оригиналов

XIV-XV вв. Вот эта специфика новых псковских грамот и определила основные задачи нашей работы:

во-первых - описать еще совсем не изученные с лингвистической точки зрения памятники древнепсковской письменности;

во-вторых: - выяснить, насколько могут служить копии XVII-XVIII веков материалом для лингвистических суждений о диалектных чертах псковских говоров XIV-XV вв.

Мнения всех исследователей древнепсковских говоров сходятся в том, что одной из наиболее существенных диалектных черт псковских говоров XIV-XV вв. является неэтимологическое употребление аффрикат -ц и -ч. Это явление представлено и в новых псковских грамотах, хотя в небольшом количестве: в качестве примеров, указывающих на замену -ч на -ц, мы можем привести следующие написания: "Пнесковицъ /1/, Григорилицъ /2/, Михъвицъ /3/, сочѣти /11/, Захарыицъ /11/, посадницъ /24/ - прит. прил. мужского рода. Михалевицъ /24/, посадниче /27/ - прит. прил. женского рода. вобцехъ /28/, на Завелицья /34/".

Количество примеров замены -ц на -ч совсем невелико: сочѣский /2/, сочке /9/, Милечкого /12/, у менничю /16/, ис пословицъ /29/, конечъ /30/".

Кроме примеров, указывающих на неправильное употребление аффрикат, наглость немало написаний, свидетельствующих об этимологически правильном употреблении обеих аффрикат: примеров на правильное употребление -ч- насчитывалось 123, а примеров на -ц- в соответствии с этимологическим -ц- - 131. Правильность употребления обеих аффрикат здесь пока поднимается без учета характера их произношения. О мягкости и твердости аффрикат будет сказано ниже.

Как видно на примерах, замена -ц- на -ч- наблюдается в корнях слов и на стыке морфем и представлена как в словах бытовых, так и в словах книжного характера. Мы не могли выделить особых фонетических позиций, в которых односторонняя замена одной аффрикаты на другую осуществлялась бы чаще, а также не отметили специальных грамматических форм со специальным употреблением аффрикат. Все это говорит в пользу гипотезы, как это было установлено и другими исследователями древнепсковских говоров; Каринским и Кандауровой, что осуществление этого фонетического явления не было ограничено ни лексически, ни грамматически, а также не зависело от фонетических условий. Интересно отметить, что -ч- в одном примере стоит не на месте этимологического -ц-, а -ц-, полученного в результате выпадения редуцированных: если взять форму "сочьский" /2/, мы можем убедиться в том, что здесь не было никакого -ц- или -ч- до выпадения редуцированного заднего ряда эта форма звучала как сотьский, а после падения глухих, как соцький, что и встречается в нескольких грамотах: "от соцких /1/". А -ч- появи-лось в этой форме вместо -ц-, полученного путем упрощения сочетания согласных -тск-.

В связи с примерами на замену -ц- на -ч-, обнаруженными в новых псковских грамотах, нам представляется целесообразным остановиться на двух вопросах: первый из них связан с цокающим характером языка писцов этих грамот; а далее с тем, как отражается сильно цокающий характер древнепсковских говоров XIV-XV вв. в списках XVII-XVIII вв, т.е. как оценивать написания типа "у мелничю", как форму, отражающую явление чоканья, или как непоследовательное отражение на письме чоканья, а второй связан с характером произношения аффрикат в языке

писцов вообще. Поскольку эти два явления теснейшим образом связаны друг с другом и развивались неразрывно друг от друга, мы должны будем рассмотреть их параллельно.

Взаимное, ничем не обусловленное смешение букв -ц- и -ч- /хотя примеров замены -ч- на -ц- в два раза больше/ может свидетельствовать о том, что в языке писцов -ц- и -ч- совпадали в одном звуке, различия в произношении между ними не было. К тому же выводу пришел и Н. Каринский, который в произведении "Язык Пскова и его окрестности XIV-XV вв." отмечает: "Очевидно, что некоторые по крайней мере писцы вовсе не различали -ц- -ч-". Такого же мнения придерживается и Т.Н. Кандурова, которая утверждает, что древнепсковский говор был шепелявым, как и сам звук, произносившийся на месте этимологических -ц- и -ч-. А то, именно каким был этот звук, т.е. какой элемент преобладал в нем /ч^н/ как предполагал Н. Каринский, или /ц^ч/ как утверждал Шахматов можно определить на основе написаний, указывающих на замену -ч- через -ц-. Мы считаем, что отмеченные в новых псковских грамотах примеры с заменой -ч- на -ц- указывают на цокающий характер языка писцов некоторых грамот. Это высказывание подтверждается и мнениями всех исследователей древнепсковских говоров, которых при рассмотрении судьбы аффри-т в данных говорах пришли к выводу, что для псковских говоров XIV-XV вв. было характерно сильное мягкое цоканье и или не было отмечено примеров на цоканье: Каринский в "Языке Пскова..." приводит массу примеров на мягкое цоканье: в Сборнике Софийской Библии: 600, в Поле 1494 г.: 400.

Также отсутствуют примеры, свидетельствующие о цоканье в новгородских говорах того времени, оказавших сильное влияние на формирование, на судьбу древнепсковских говоров. Поэтому мы считаем, что написания с обратной заменой -ц- на -ч- не могут опровергнуть сло -

жившегося в научной литературе мнения о цокающем характере древнепсковских говоров, тем более, что сами по себе написания с заменой -ц- на -ч- еще не могут быть признаны доказательством в пользу того, что -ц- и -ч- совпадали в -ч-. Написания подобного типа отмечались исследователями и в таких документах, в которых цокающий характер языка писца не может подлежать сомнению. В связи с такими написаниями в "Истории аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров" Орлова отмечает: "Значительное распространение случаев замены буквы -ц- буквой -ч- на письме на протяжении периода XIV-XV вв. не свидетельствует о том, что именно совпадение -ц- и -ч- в звуке -ч- было представлено в произношении. Вернее предположить, что преобладание употребления буквы -ч- отражало лишь орфографию писца - большую или меньшую степень влияния на него традиционной письменности. Именно в связи с тем, что в произношении писца отсутствовал звук -ч-, он чаще обращался к написанию буквы -ч-, употребляемой им, однако, в связи с навыком произношения одной аффрикаты как в соответствии -ч-, так и в соответствии -ц-, т.е. живое произношение писца скорее всего было при этом всё же цокающим!" /стр. 8/. Пожалуй, то же самое можно было бы сказать о написаниях, отмеченных в новых псковских грамотах с заменой -ц- на -ч-, хотя, как было сказано выше, написания с заменой -ч- на -ц- всё-таки явно преобладают над написаниями с заменой -ц- на -ч-, и все это может свидетельствовать о цокающем характере языка писцов данных грамот. Однако, тот факт, что наши грамоты представляют собой не оригиналы, а копии с грамот, сделанные спустя 250-300 лет после написания оригинала, а

также и довольно большая пестрота в обозначении аффрикат в новых псковских грамотах обязывает нас к известной осторожности при определении цоканьего характера языка писцов. Хотя тот факт, что цоканье, представленное в наших грамотах, не может подлежать сомнению, однако для того, чтобы дать точный ответ на этот вопрос, нам надо будет выяснить характер произношения этих аффрикат в языке писцов. Все исследователи древневсковских говоров придерживаются мнения, на основе обширного проанализированного материала — что общий звук, в котором совпадали -ц- и -ч- был мягким. Кандаурова в работе "О языке Пско — ва ..." приводит массу примеров на мягкое произношение -ц- -ч- ;, в написаниях, приведенных ею, после -ч- и -ц- ни разу не пишется -ъ, о, у, а. В этом отношении наши грамоты показывают совсем другую картину; с точки зрения твердости-мягкости в них представлены следующие аффрикаты: -ч- мягкое, в соответствии этимологическим -ц- и -ч-: ко- нечь, у мельничю — чюжад, чюдотворца и т.д., примеров на мягкое -ч- насчитывалось 81. Примеров на мягкое -ц- намного меньше: написаний, свидетельствующих о мягком произношении -ц- всего 24: отця, девери- цию и т.п. Мягкое -ц- наблюдается на месте как этимологического -ц-, так и этимологического -ч-.

Нашлось неожиданно много примеров, указывающих на твердое произношение -ц-: 107 — улицы, отцу, верстница, Назарициць". Твердое -ц- — наблюдается даже при цоканье, т.е. в тех случаях, когда -ц- заменяет этимологическое -ч-: социти, посадницъ, и т.п.

Написания, свидетельствующие о твердом произношении -ч- отмечены довольно в большом количестве: 62: печать, Тешевичъ, печа, опчую.

Обнаруженные в новых псковских грамотах примеры в связи с твердостью или мягкостью аффрикат явно противоречат гипотезе, выдвинутой

Каринским и Кандауровой о мягком произношении общего звука на месте этимологических -ц- и -ч-: ведь при мягком цоканье в псковских грамотах XIV-XV вв. недопустимо наличие твердого -ц- и -ч-. Однако прежде чем сделать окончательные выводы о характере произношения аффрикат, мы должны сказать несколько слов об орфографии новых псковских грамот, потому что немало таких примеров, в которых для обозначения твердости-мягкости служат твердый и мягкий знаки -ъ, -ь. При орфографическом анализе наших грамот было установлено, что мягкий и твердый знаки в большинстве случаев служат для обозначения твердости-мягкости этимологически правильно: особенно последовательно употребляется буква -ь- для обозначения мягкости: "камень, одеречь," "печатъ, весь .." Того же самого мы не можем сказать о твердом знаке, потому что он во многих случаях вообще не ставится - особенно в сочетании с губными б, п, м, н, в и в предлогах: от, из, с, в ...". Однако если он пишется, то служит для обозначения твердости правильно: "ц цопомъ, Федосомъ". Поэтому мы считаем, что сочетания типа чъ, цъ должны свидетельствовать о твердом произношении аффрикат: если даже признать непоследовательное употребление -ъ-, такое огромное количество написаний не может быть случайным. На основе этого мы с уверенностью можем установить следующее: в подавляющем количестве случаев мягкость -ц- и -ч- не может подлежать сомнению; примеры см. выше. Также весьма убедительны написания, свидетельствующие о твердом произношении -ц-; множество примеров с буквой -ы- после -ц- несомненно говорит в пользу гипотезы о том, что в языке писцов существовало и твердое -ц-. Однако примеры на твердый -ч- неоднородны, многие из них внушают мало доверия: среди них есть очень много таких, в которых после -ч- пишется -а-: часть /5/, печатъ /33 раза/.

Эти примеры не обязательно свидетельствуют о твердости -ч-. Вполне возможно, что это просто орфографический прием, связанный с трудностями обозначения мягкости -ч- в сочетании с буквой -а-, ведь написания подобного типа наблюдаются и в подлиннике, в грамоте № 33: "черничамъ, намчатую!" Поэтому в связи с твердостью -ч- достоверными мы считаем только примеры типа: Першичь, Бектуевичь... Хотя, как было уже сказано выше, количество таких написаний довольно значительное.

Перечисленные выше примеры, на наш взгляд, должны ярко свидетельствовать о наличии следующих аффрикат в языке писцов новых^X грамот: о наличии твердых -ц-, -ч- и о наличии мягких -ц-, -ч-.

Как мы уже выше отметили, твердое -ч- наблюдается и при цоканье, что должно несомненно говорить в пользу гипотезы о существовании твердого цоканья в псковских говорах XVII-XVIII вв. Проведенные нами наблюдения над характером употребления аффрикат в новых псковских говорах позволяет нам сделать следующие выводы: тот факт, что в этих грамотах представлены как мягкие, так и твердые варианты -ц-, -ч-, должен свидетельствовать об изживании псковскими говорами одной из наиболее характерных черт древнепсковских говоров - мягкого цоканья - и о переходе от него к твердому цоканью. Мы считаем, что процесс утраты мягко цоканящего характера псковских говоров начался не раньше XV в. и не позже XVI в., и до своего полного завершения он дошел только в XX веке. По нашему мнению, противоречащие

---

^X псковских

друг другу написания типа чю, чъ, ця, цы должны объясняться именно переходом от мягкого цоканья к твердому. В этом отношении весьма показательны примеры, обнаруженные в разных списках одного и того же подлинника /от некоторых подлинников осталось несколько списков, в которых очень часто меняются мягкие и твердые -ц- и -ч-/:

Список 1680 г.

Печища
 Промежицы 27-я грамота
Перетворець
 Колотиловицы
 Ченцы
 Чернины 3-я грамота

Список 1669 г.

Пецыща
 Промежию
Перетворечь
 Колотиловичь
 Ченци
 Черници

Список 1684 г.

Улицы
 Вятничи

Список 1680 г.

Улицы
 Житничы

Последний пример ярко указывает на твердое произношение -ч-.

Выдвинутое выше предположение о твердом произношении аффрикат в псковских говорах XVII-XVIII вв. подтверждается и мнениями других исследователей псковских говоров. При анализе текста Псковской судной грамоты /1-ая половина XVII в./ Н. Каринским было отмечено много примеров на твердое произношение -ц-: после -ц- очень часто пишется -ы- и -оу- /стр. 93/. В связи с беспорядочным употреблением аффрикат в средневеликорусских говорах Орлова отмечает, что "твердое цоканье в данных говорах появилось до XVIII -го века" /стр. 80/. Далее она указывает на

тором отношении параллельно.

В связи с вопросом о языковой принадлежности писцов новых псковских грамот, хотя эта задача не ставилась в настоящем докладе, мы можем отметить следующее: явное нарушение норм древнепсковских диалектов, т.е. языка оригиналов, на наш взгляд, несомненно говорит в пользу гипотезы о том, что писцы копий были псковичами, или они были из тех областей, для языка которых было характерно аналогичное развитие цоканья /например, Новгородские области, или другие северно- или средневеликорусские области/. В противном случае четче соблюдались бы особенности в употреблении аффрикат, наблюдаемом в единственном подлиннике, а именно, в 33-ей грамоте, ведь писцы, в языке которых не представлено цоканье, передавали бы тексты или с соблюдением диалектных норм, или с последовательным различием -ц-, -ч-.

то, что переход от твердого цоканья к различению -ц- -ч- осуществляется через различение твердых -ц- и -ч- и оно является для многих говоров актуальным и в наши дни /стр.65./. Пожалуй, этим можно объяснить и то, что в этих грамотах цоканье вообще - независимо от твердости или мягкости - отражается слабо.

Карижский в Псковской судной грамоте нашел всего лишь один пример на цоканье: позволиць /93/. В описанных В.И. Чернышевым псковских говорах есть несколько данных, свидетельствующих о наличии как твердого так и мягкого цоканья, причем цоканье слышится изредка, только в языке старшего поколения. /В.И. Чернышев, Говор Пушкинского района, стр. 112/. Вопрос, связанный с причинами отхода от мягкого цоканья к твердому, выходит за рамки этого доклада и остается открытым.

Итоги: На основе сделанных выше выводов мы с уверенностью можем утверждать, что Новые псковские грамоты XVII-XVIII вв. являются важным материалом для выявления диалектных черт псковских говоров XVII-XVIII вв. С точки зрения употребления аффрикат в них отражается ряд диалектных особенностей, не присущих древнепсковским говорам XIV-XV вв., причем характерные черты древнепсковских говоров отмечены весьма спорадически. Наши грамоты сообщают нам о двух важных этапах развития аффрикат в псковских говорах: от переходе от мягкого цоканья к твердому /соцети, Цазариниць/, и об отходе от цоканья вообще к различению аффрикат/незначительное количество примеров на цоканье, наличие твердых -ц- и -ч-/. Тот факт, что большинство копий было сделано в 60-е и 70-е годы XVII-го века должен свидетельствовать о том, что эти два явления осуществлялись в неко-